

не сделали» (II, 61) — «sentant l'argent comme les mouches sentent le miel, ils ne faisoient pas un pas en vain» (II, 76); «... с тех пор как завелись у меня денешки, то умножились они, как мухи около сметаны» (II, 59) — «depuis que j'avois de l'argent, ils s'étoient multipliez comme les mouches avec le fruit» (II, 72); «беда родит беду» (II, 6) — «un malheur ne vint jamais seul» (II, 8).

Сохраняя близость к оригиналу, Вороблевский прибегает иногда к церковнославянизмам: «... наг родихся, наг и изыдох, не нашед и не потеряв ничего» (II, 65) — «je suis né nud, nud je me trouve, sans avoir perdu, ni gagné» (II, 79).

Стремясь придать своему переводу большую яркость и выразительность, Вороблевский иногда, против своего обыкновения, отступает от буквального следования оригиналу и использует разговорные обороты и пословицы, например: «... более тот успевае, кому бог помогает, нежели кто пот проливает» (II, 129) — «plus avance celui que dieu aide, que celui qui se leve de grand matin» (II, 152); «чтоб по одежке протягать и ножки» (II, 115) — «pour ne pas plus étendre les jambes que la couverture» (II, 135); «как черт ладану бегал» (II, 44) — «... comme le diable l'eau bénite» (II, 56).

В некоторых случаях, встречая французскую пословицу, Вороблевский совсем отказывается от ее точного перевода, очень удачно находя аналогичную по смыслу русскую пословицу. Так, например, для выражения «J'ouvre les yeux à ce discours, comme celui qui y avoit le principal intérêt» (II, 105) он дает: «При сем разговоре открыл я глаза, как есть пословица: „знает кошка чье мясо съела“» (II, 87); «le bon tems ne dure pas toujours» (I, 160) — «не все коту масленица» (I, 149); «mieux vaut un tien que quatre tu l'aura» (I, 160) — «не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (I, 149); «Riviere trouble, profit des pêcheurs» (II, 31) — «в мутной воде хорошо рыбу ловить» (II, 29); «il y a toujours trois lieues de mauvais chemin» (II, 187) — «как ни ворочай, одна нога короче (рассуждая о превратностях фортуны)» (II, 155).

В тексте встречается большое количество речений, придающих повествованию ярко-народный колорит: «Что сделалось с девкой и ее хахалем» (I, 43); «брюхо на нос лезет» (I, 45); «водили меня на своре» (I, 50); «соединиться с Волочайкой» (I, 59) — от «волочитной», т. е. женщиной, изменяющей мужу; «не забудет подмаслить» (I, 161), т. е. дать взятку; «расплодили дело» (I, 61) т. е. искусственно раздули судебную клевету; «я так взопрел» (I, 73) вместо «вспотел»; «отомстить этому залыге» (I, 85) — лжецу, вруну; «покуль» (II, 15), «сквернавцы» (II, 50); «подчиwania» (II, 84); монах-пустынный называется «старым гнилякой» и т. д.

Перевод В. Г. Вороблевского на протяжении многих лет успешно служил русскому читателю. «Жизнь Лазария» в XVIII в. выдержала 3 издания: первое — в 1775 г., второе —